

Уақыт
және
қаламгер

Герольд БЕЛЬГЕР

**В ТЕМНЫЙ
ЧАС ПЕРЕД
РАССВЕТОМ**

84P7-44
Б42. -14P15

Герольд БЕЛЬГЕР

В темный час перед рассветом

Алматы "Білім" 2003

ББК 84 Р 7-44
Б 44

*Выпущена по программе Министерства культуры,
информации и общественного согласия
Республики Казахстан*

Бельгер Г.

Б44 В темный час перед рассветом. Эссе. — Алматы. “Білім”. 2003. -52 стр.

Многолетний опыт литературной работы позволил Г.Бельгеру отточить необходимый для пишущего дар общения, когда пригодились все, что было прежде увидено, нажито и пережито.

В первой части “ В темный час перед рассветом” автор раскрывает понятие “аул” — как неиссякаемый родник народной жизни, как хранителя исконных черт национального характера. Яркими воспоминаниями делится писатель о прошлом и с болью в душе — о настоящем.

Во второй части, автор остро ощущает масштабы и глубокий смысл свершающихся перемен, чутко всматривается в процессы созидания нового, изобличает косность и рутину, страдает из-за просчетов и неудач, поддерживает истинных патриотов.

4702250201-020
Б 412(05) **2003**

ББК 84 Р 7-44

ISBN 9965-09-150-1

© Бельгер Г., 2003
© “Білім”, 2003

- 44448 -1

“Казахский аул всегда оставался источником потенциального национального возрождения и маркером национальной”.

Н. А. Назарбаев
“В потоке истории”

АУЛ

Эссе

*“Мой зеленый причал, Мой
островок тишины, Мой аул...”*

А. Еженова

Э́то короткое, гулкое казахское слово властно и мощно ворвалось впервые в мое сознание и неожиданно всколыхнуло душу синеоким сентябрьским днем 1941 года. Долго петлявшая между пшеничными полями, ковыльным простором и березовыми колками дорога, вдруг взметнулась на бурый косогор и в низине, недалеко от приречного тугая, темной полоской уходившего за горизонт, как на ладони открылось истомленному взору невзрачное казахское селение с убогими, разбросанными там-сям плоскокрышиными домишками и чахлыми ивовыми пристройками. Неподалеку задумчиво взирало на нас, пришельцев из далекого Едиля, стадо тощих, малорослых коров, чуть поодаль пощипывали траву овцы, пастушонок в немислимых отрепьях, притеснив ладошкой глаза, неподвижно уставился вдаль. Ровный, неутомимый степной ветерок донес неведомые доселе запахи. Редкие лохматые псы в репейниках равнодушно пронеслись мимо, лепясь даже обляять нас.

Тихо. Пустынно. Просторно. Безлюдно.

Незнакомый, неведомый мир. Огромный, непостижимый.

— Аул, — произнес возница, смуглый, скуластый, узкоглазый мужичонка в нелепой войлочной шапчонке на бритой голове.

— Казахишес дорф, — перевел отец.

— Аул, — эхом отозвалось в моей душе первое казахское слово.

Мне скоро исполнится семь лет. Буквы — и русские, и немецкие — мне уже знакомы. И считать умею до ста хоть по-русски, хоть по-немецки. И с начала, и с конца. Все вокруг мне интересно. Все впитываю жадно. Правда, мне непонятно, почему мы, дойче, так спешно покинули родной очаг на Волге, оставили обжитые, добротные дома, почему так долго ехали в тесных, смрадных товарных вагонах в сопровождении суровых красноармейцев, почему все, что ехали с нами, так встревожены, печальны, подавлены, отчего озабочены отец и мать. И почему мы, родные, разлучены: одних отправили в Сибирь, других — в Казахстан?

Это я пойму позже.

О том я буду думать и писать всю жизнь.

А пока в моих ушах звучит емкое, короткое слово — аул.

Какой же это “дорф”? Это совсем не дорф. Я хоть и родился в городе на Волге с громким именем Энгельс, но что такое дорф — село, знаю, ибо бывал и в отчем селе Мангайм, живал подолгу у бабушки Марии-Элизабет, у дядюшек Вильгельма и Фридриха, заезжал с сельскими музыкантами в соседний Зихсльберг, перед войной мотался по центру кантона Гнаден-флюр. Дома там, на Волге, были сплошь деревянные, как на подбор, с палисадниками; подворья ухоженные, с бесчисленными пристройками, с обязательной

летней кухней-бакха зом. Улицы тянулись строгими рядами. Все опрятно, чисто. В каждом дорфе клуб, духовой оркестр, строгий, налаженный быт. А еще до приезда сюда, на берег Есиля, мы жили две недели, пока отец помогал колхозу косить сено, в русском селе Сергеевка. И там было совсем по-другому. Поражали огороды и лес подсолнухов.

Здесь же – аул.

И знакомство с ним, постижение его – впереди.

А до осмысления его дойду лишь многие годы спустя.

Мы, спецпереселенцы, очутились в первозданно казахской среде. Аул в разное время назывался по-разному: Кабай, Туяк, потом через дефис Кабай-Туяк, потом с образованием колхоза еще как-то, потом имени Ораза Исаева, потом долгие годы им. Ленина, одно время – Теренсай, ныне – им. Ибраева. Менялось и название района – Октябрьский, Сергеевский, Шал-акына.

А рядом с аулом Ленина расположились аулы Коктерек, Мектеп, Орнек, Жаргаин, Жан жол, Жана-талап, Каратал, Алка-агаш, Аксу, Жанасу, Энбек. Отец заведовал фельдшерско-акушерским пунктом, и я вскоре познакомился со всеми этими аулами.

Несколько лет мы были единственной немецкой семьей в ауле. А русских было раз-два и обчелся. Но чужаками, пришельцами мы чувствовали себя лишь в первые недели. Казахи не чурались нас, а, наоборот, отнеслись дружелюбно, сочувственно. Как-то само собой наладились добрые человеческие контакты. Жили в ауле в общем-то скудно, бедно. Но у всех бы коровы, кое-какой скот и живность, в ларях-сусеках, мешках-корджунах хранились

небольшие запасы пшеницы, ячменя, проса, курта, иримчика. У нас же, спецпереселенцев, ничего не было. Отец, недавний санинструктор Рабоче-Крестьянской Красной Армии и заведующий кантонздравом на Волге, обладал офицерскими сапогами, брюками-галифе, шинелью и шапкой-буденновкой. Мать была одета по-городскому: беретка, жакетка, платье, туфельки. Я бегал в кепчонке, брючишках с лямками, обшарпанных ботиночках. Двухлетняя сестренка в бумазейных платьицах и штанишках. А уже осень. Уже задувают предзимние ветры. И ютимся мы в щелястой комнатке при медпункте. Дров нет. Печь дымит. Крыша протекает. Дома — шаром покати.

И что бы мы делали без внимания, заботы, сочувствия и помощи аулчан, казахов, о которых мы ничегошеньки и не знали?!

Вот уже одна соседка несет кастрюльку молока, другая идет с миской айрана, третья угощает горстью-другой иримчика и курта, баскарма, председатель колхоза, расщедрился несколькими килограммами пшеницы и ячменя, кто-то завез мешочек неочищенного проса, коктерекский уста-кузнец выточил из камня маленькую ручную мельницу... Словом, аул в беде нас не оставил. Да и мы сами не оплошали: ловили в Ишиме и старицах рыбу, собирали в лесу и тугае боярку, шиповник, черемуху, костянику, смородину, вишню, выкапывали в степи солодковый корень. Зимой отец, случалось, охотился на беляков и куропаток.

Я быстро сошелся со своими чернявыми, скуластыми сверстниками, носился с ними по аулу, начал осваивать казахский язык, сердобольные тетки-апашки в длинных платьях, плюшевых безрукавках, белых жаулыках то и дело угощали меня аульными яствами, старики гладили меня по

голове, говорили: “айналайн”, “неміс бала”, “першылдың баласы” (сын фельдшера), “біздің Кира” (искаженное “наш Гера”). Никто не называл меня ни единым обидным словом. Никто не подчеркивал мое чужеродство.

Скоро всем своим умишком я понял и мальчишеским сердцем почувствовал, что аул; мой аул, моя опора, моя защита, мой дом, моя отрада, здесь я не пропаду, здесь обо мне позаботятся, в беде не оставят, я член этой общины, этого сообщества, аул в ответе передо мной, а я в ответе перед ним, и если я совершу что-нибудь постыдное, я опозорю не только своих родителей, но и свой аул, мне будет стыдно смотреть в глаза дедушкам Абильмажину, Ергалию, Омару, Коспану, Жайлаубаю, Нуркану, Кали и Сейтходже и многим-многим другим.

С годами я пойму, что всему хорошему и доброму в жизни я обязан, помимо родителей, моему аулу: там мои истоки, мои нравственные начала, мой стержень, моя основа, мой критерий, мои ориентиры, моя любовь, гордость и неизбывная печаль.

Любопытства ради заглянул в разные словари. Как они толкуют понятие “аул”? Пишут: селение. Поселок. Группа юрт кочевников. Или: селение на Кавказе и в Средней Азии. И приводят примеры: “В большом ауле, под горою, близ саклей дымных и простых...” (Лермонтов). “Белые и серые домики аула Веселого...” (Либединский). Интересно, что говорит древний, дотошный Даль? “Аул – почти у всех азиатских народов (татар, башкиров, киргизов, многих кавказцев; у калмыков хатон), деревня, селение, поселок; оседлое или кочевое сборище

жилищ; собрание изб, хат, мазанок, землянок, сакль или шалашей, шатров, балаганов, юрт, кочевых кибиток”.

Толковый словарь казахского языка (1974) уделил “аулу” четыре страницы убористого текста, пояснив, что это – по-старому – кочевое сборище кошомных юрт, поставленных в одно место, а – по-новому – сборище домов, объединенных коллективным хозяйством. Далее Словарь толкует слова “ауыл-аймак”, “ауыл-ауыл”, “ауылдас”, “ауылнай”, “ауыл-кала”, “ауыл-село”, “ауыл-үй”, “ауылша”, “ауылшылау” и другие разные производные от слова “ауыл”, сопровождая их примерами из художественных текстов именитых казахских писателей разных времен.

И в принципе все верно. Возражать трудно.

И все же ... аул не только сборище домов или юрт, не только малое или большое селение. Это прежде всего люди, объединенные местом обитания, близкие по духу, ментальности, быту, нравам и укладу, живущие в постоянном и тесном общении, спаянные трудом и тягой, расположенностью друг к другу, единые или близкие нравственно, культурно, общественно, социально, имеющие единые или схожие цели, стремления, миропонимание и духоустройство. Аул – своеобразный мир со своей инфраструктурой – экономической, социальной, психологической, этнокультурной. Это общность со сложной корневой системой. Случайное сборище из разных, как говорится, верховий и низовий, вольно или невольно оказавшихся вместе, – еще не аул. Это может быть поселком, селом, деревней, дорфом – чем угодно. Аул в первоначальном смысле другое. Это понятие более теплое, душевное, близкое, родное, сердечное. Аул – как родной очаг. Аул – как большая семья. Аул – родной кров на единой

земле, под единым небом. Аул — твоя совесть, любовь, забота, гордость, зеленый причал, отрада. Аул — начало Родины.

Так воспринимают аул казахи.

Так воспринимаю аул и я.

Разумеется, в своем историческом развитии казахский аул претерпел разительные перемены. Невозможно сравнивать аулы, скажем, абаевских времен, начала прошлого века, довоенной или послевоенной поры, или нынешней эпохи. Значение слова *аул* необычайно расширилось, приобрело новые оттенки. Случается, мы по привычке звоним близким, спрашивая: “Такойтович в ауле?”, имея в виду, в Алматы ли он или куда-либо выехал. И все понимают, о чем речь. “Я только что побывал в ауле”, — сообщает знакомый, хотя “аул” его — крупный поселок городского типа. “В благополучии ли твой аул?” — спрашивает по привычке, намекая не на конкретное поселение, а на всю округу или регион.

А что представлял собой аул в изначальном смысле в жизни кочевого народа? О том исчерпывающе поведал Мухтар Ауэзов в авторских примечаниях к русскому переводу “Путь Абая”. Вот его пояснения: “В кочевом быту казахов аул представлял группу юрт, объединенную по хозяйственному и семейному признаку. Аул имел свои постоянные урочища для кочевки: коктеу — весеннее, жайляу — летнее, кузеу — осеннее и кстау — зимнее, где были выстроены деревянные и глиняные постройки. Урочища эти закреплялись за данным аулом по соглашению между старейшинами родов и были постоянной причиной

каждый о каждом знал все, вплоть до седьмого колена.

Годы спустя, я побывал в разных аулах областей бескрайнего Казахстана. И неизменно поражался тому, что по этнографической, социально-экономической, психологической характеристике, казахские аулы оказались очень схожими, близкими: один язык, одни обычаи, нравы, манеры, быт, традиции, человеческие отношения, поверья, запреты, благодарности и благословения. Единство казахского духа поражало. Поражает и поныне. Я понял: в основе казахской жизни, казахской ментальности лежит аул. Все начинается там, в ауле. А аул един. Значит, и народ феноменально един. И то, что — особенно в последнее время — начинают то и дело казахов делить по родам, племенам, жузам, коленам, ветвям и т. д. — абсолютный нонсенс, глупость, вздор и чепуха. В сущности до недавних времен казах — продукт и творение аула. Истинный казах в подавляющем большинстве аульный казах. Там вырос, там его корни. Необходимо всегда помнить о своих корнях, самобытных, истинных, первозданных, а они — пусть во втором, третьем поколении — уходят в аул, в единую нравственную почву, и этим следует всегда и всюду дорожить.

Я так понимаю.

Задумался: что больше всего воспето в казахской устной и письменной литературе? Степь? О да, о степи написан “монблан” произведений. И все же, похоже, больше всего воспет аул. Вдохновенно, взволнованно, искренне, любовно, проникновенно, задушевно, исповедально. Неведомый поэт посчитал нужным оповестить всю степь: “Мой аул

у Кольменколя, возле чистого озера...” Другой вторил: “Мой аул ушел в летовку в пойму Сырымбет”. Невеста, перебираясь в аул суженого, печалилась: “Что меня ожидает в ауле чужом?” Ну, а где обитает возлюбленная? “Твой аул за холмом, за пригорками...” Скорбная песня “Корлан” уточняет: “В далеком степном ауле...”

Действительно, богатейший, интереснейший материал для серьезных исследований: “Аул в казахском фольклоре”, “Аул в казахском песенном искусстве”, “Аул в казахской современной поэзии”, “Аул в казахской исторической прозе”, “Аул в казахской живописи” и т. д. Я вначале намеревался обильно оснастить свое эссе цитатами из современных русскоязычных казахских поэтов (большей частью городских) и полистал книжечки-сборнички от Олжаса до Ардак Еженовой, но вскоре отказался от этого намерения, опасаясь, что эссе обернется трактатом не на одну сотню страниц. Если я еще потревожу неподъемный пласт исторического казахского романа от Ауэзова до Кабдеша Жумадилова, то я свой труд вообще не закончу.

“О мой аул...” – умиленно вздыхают поэты.

“О край родной, аул родимый...” – умиленно стонут песенники.

Незыблемую свою любовь, тягу к аулу, неизбывную тоску об ауле на все лады описывают прозаики.

Это стало наваждением. Неизменным мотивом казахской творческой интеллигенции. Об ауле писали, толковали все, везде и всюду во всех жанрах как о далекой мечте, о желанном островке чистоты, тишины, благоденствия, отраде детства и юности, незамутненном роднике высокой нравственности, приюте отдохновения, вечно зеленом причале, источнике добра, света, уюта, очаге неистребимого

народного духа. В рассказах, повестях, романах не одного казахского прозаика сквозило настойчивое противопоставление города и аула: город - порок, исчадие, суэта, фальшь, грохот, соблазн, искушение, средоточие расчета, подлости, коварства, неискренних людских отношений, продажности, распушенности, беспредела, суррогата; аул — чистота, настоящее, доподлинное, тишина и покой, корни, дух предков, высокие порывы, истина.

Живя в городе, поэты, прозаики упорно писали об ауле, идеализировали аульную жизнь. Выезжая в короткие или длительные командировки в аулы, рвались в город, который продолжали видеть и изображать в дурном свете.

На это шаблонное представление впервые обратил внимание Олжас Сулейменов на каком-то пленуме Союза писателей Казахстана, едко высмеяв тех, кто неизменно тоскуя по аулу, напрочь обосновался в городе, проложив верную тропу между Союзом писателей и ближайшим рестораном.

Действительно, времена менялись, и взалев воспетый казахский аул скудел, беднел, хирел, угасал на глазах его восторженных выходцев.

И я — один из свидетелей этого скорбного процесса.

Скромный, уютный, тихий, зеленый аул неподалеку от степной реки Есиль, окруженный березовыми перелесками, озерцами-старичками, непаханными ковыльными полями, бугристыми холмами-жонами, становился мне с каждым годом все ближе, родней, и я уже горделиво говорил: “мой аул”. Я прирос к нему сердцем, я знал каждый дом,

каждого жителя каждый кустик по всей округе, каждую тропинку в овраге “Теренсай” и в зарослях приречного тугая, каждую каменную глыбу у брода “Тасуткель”.

Аул стал “моим”. И я стал “своим” в этом ауле. Все мои разрозненные детские впечатления о Волге — о детской площадке в летной школе города Энгельса, о родительском селе Мангайме, о кантонном центре Гнаденфлуре, откуда нас в начале сентября военного лихолетья выслали по зловещему и клеветническому Указу от 28 августа 1941 года, поблекли стерлись, отдаляясь все дальше в невозвратный и — порою чудилось — ирреальный мир, а казахский аул мерещился подлинным началом моей жизни, точкой ее отсчета, стартовой площадкой для большого — мнилось в мечтах — разбега.

Все радовало мою душу: и необъятный простор, и летние ливни с неистовыми грозами, когда казалось, вот обрушится небо на землю, и свирепые зимние бураны, после которых диковинные сугробы заваливали домики по самые печные трубы, и жуткие морозы, когда от деревьев с сухим треском отламывались ветви, и дурманящий запах свежескошенного сена, и зыбкий, слоистый туман, волочащийся по степи, и невесомая дымка над Ишимом в предрассветный час, и буйство льдин в половодье, и кизячный дымок, выющийся над очагами-треногами перед закатом, и все жители аула, от мала до велика, все добрые “ата”, сердобольные “аже” и “апа”, надежные “ага”, друзья-сверстники, сироты-интернатовцы, школьники из всех ближних право- и левобережных аулов, и школа, единственная во всем районе казахская средняя школа с ее чуткими “мугалимами”, и весь этот простой, неприхотливый быт с искренней заботой друг о друге и постоянным

вниманием друг к другу, и ... о, можно бесконечно говорить о достоинствах, милых приметах, особенностях родного аула и никогда эту тему не исчерпаешь, все равно все не выскажешь, ибо это и не тема вовсе, а твоя жизнь, твоя любовь и радость, твоя память, все твое родное, близкое, сокровенное, неистребимое. Благодарность моя к ТОМУ аулу беспредельна. ТОТ аул и сформировал мою душу.

Летом 1955 года, окончив первый курс литфака КазПИ им. Абая, я на каникулы отправился в аул. Целый год я не был в ауле! И хотя отец регулярно писал мне письма, сообщал подробно все аульные новости, присылал приветы от аксакалов, я с нетерпением ждал того счастливого мгновения, когда я вновь окажусь в родном ауле. Добирались тогда трудно. Чаще всего — после Петропавловска — на попутном раздрызганном грузовике. Едва проехав Явленку, я уже поднялся в кузове, держась за кабинку, и с замиранием сердца, с дрожью нетерпения в каждой жилке жадно оглядывался вокруг, всей грудью вдыхая вольный степной ветер, настоенный на разнотравье, все вглядывался до рези в глазах в зыбкую даль, надеясь увидеть знакомый лесок, овраг, холм, поворот проселочной дороги и, наконец, после долгой тряски на ухабах и колдобинах грузовик вынырнул из низины, юркнул мимо колодца с журавлем, мимо старого погоста, вот мелькнули дома поэта Галыма Малдыбаева, учителя Ахметжана, старика-охотника Абилямажина, а вот и медпункт, вот и родительский дом... Голова сладко кружится, сердце трепещет, в глазах все зыбится от слез.

“Здравствуй, аул мой... родной и любимый!...”

Все это было, было... Все это осталось в прошлом. И нет тому возврата. И нет уже того аула.

И тут начинаются печальные строки моего эссе.

Какие-то перемены в аулах северных областей Казахстана явно наметились с середины 50-х годов теперь уже прошлого века. Необузданная стихия под названием “освоение целинных и залежных земель” хлынула на тихие, девственные казахские аулы, как горный мутный селевой поток. Боже! Что тут началось! Толпы неведомых башибузуков, словно несметные мамаевы полчища, обрушились на аул. Не секрет, осваивать целинные и залежные земли ехали чаще всего великовозрастные оболтусы из всех союзных республик.

Совершенно дикое, неуправляемое подобие людей неведомого племени, точно всесокрушающий вихрь, разнесло в пух и в прах все, что сложилось, строилось десятилетиями, а то и веками. Многолетние запасы “тройного одеколона” в сельпо были иссушены в один день. На другой день исчезли залежи дешевой пудры. Ее пили, разбавив водой. Обезумели куры на подворьях. Пух и перья летели по аулу, будто была метель. Молодки и девки боялись выходить на улицу. Ночью пришельцы устраивали по аулу гонки на тракторах. Лихачи ездили в соседние аулы за водкой на комбайнах. Домашних гусей стреляли вместо диких. Рыбу в Ишиме глушили динамитом. Разведенных отцом карасей в котловане вычерпали бреднями за пару дней. Отца, заведующего фельдшерско-акушерским пунктом, буяны ловили на улице: “Эй, недобитый фриц! Спирт давай, если жить хочешь!” Почтенных аксакалов аула называли не иначе как кривоногими бабаями. Тихий аул оглушили отборными матюками. Все вокруг было истоптано, искорежено,

опоганено. К счастью, продлилась эта вакханалия недолго. Схлынула мутная волна. Но аул был уже не тот. Появились новоселы, которые строили дома, кошары, баню, разбивали огороды, распахали ковыльную степь до самого аула, так что скотину можно было пасти только в тугае вдоль реки да в овраге. Среди пришельцев встречались и нормальные трудяги, но им все было чуждо; земля, местные жители.

Аул менялся на глазах. Расшатались нравственные устои, традиции, огрубели нравы, все, что искони было табуировано, считалось отныне дозволенным. Подлинно казахское размывалось, терялось, уходило. Аул превращался в разношерстное село, в сборище случайных людей. Бразды правления оказались у тех, кто чувствовал себя временщиком, знал, что через год-другой уедет, непременно уедет, а потому пусть все горит синим пламенем. Чужое — не свое.

Да, посевные площади увеличивались из года в год, росли урожаи, поднимались трудовые показатели, строились добротные дома, культурные объекты, жизнь стала динамичней, напористей, степь пробудилась от рокота моторов, прокладывались дороги, обновился мост в райцентр — все так. Но аул уходил за горизонт, таял, исчезал.

И все же, все же... фундамент, заложенный предками казахов, вся психо-физическая структура казахского аула, как воплощение народной нравственности, традиций, культуры, быта, сохранились в той или иной мере до недавних дней.

И вот парадокс: окончательный крах аула произошел с приобретением Казахстана политической независимости. К досаде и великому сожалению, это так.

Заброшенный, ненужный, забытый, преданный всеми, униженный, ограбленный, обескровленный

аул чах быстро и непоправимо. Безработная молодежь, почувствовав надвигавшуюся катастрофу, подалась в город, устраивая как придется, как получится свою судьбу. За ней, продав все, потянулись старики. Заколачивались окна-двери, бросались дома, спасались кто как мог от бесперспективности, безнадежья, безработицы, пьянства, воровства, дикости и распушенности, грабежа, произвола, подавленности, заброшенности.

Власть все это видела, знала, но и она оказалась бессильна спасти аул, ибо ее душили другие безотлагательные, повседневные проблемы. Надо было любой ценой отстоять независимость. Чью! Для кого?! Надо было строить новое государство. Надо было перед цивилизованным миром держать марку, не ударять лицом в грязь, пускать цветные пузыри. Чем-то надо было жертвовать во имя великой цели. И жертвой пал аул. То, что, в сущности, искони представляло основу Казахстана. То, что питало, поддерживало, обогащало, кормило, облагораживало страну.

Жертвы оказались вообще неисчислимы. Фанфары фанфарами, но все же позволю себе здесь ограничиться одним лишь фактом. Зачем мне распространяться о том, что и так все знают и видят? Вслушайтесь: “За десять лет независимости численность населения республики сократилась с 17 млн. до 14 млн. 995 тыс. человек. Заметно снизились за этот период и экономические показатели. Например, добыча угля — от 131 до 69,6 млн. тонн, железной руды — от 47,1 до 7,8 млн. тонн, посевные площади — от 35 182 до 15 169 га, зерно — от 28,5 до 6,4 млн. тонн, поголовье крупного рогатого скота — от 9,8 до 3,9 млн. голов. (См. “Известия” от 12.01.01).

Чуткие поэты и писатели первыми заметили приближающуюся агонию аула. Начали бить в колокола тревоги. Однако государственные газеты и журналы предпочитали о том помалкивать. Эка невидаль — аул! Ничего. Не впервой. Выдюжит. Оправится. Такие грандиозные свершения вокруг творятся. А эти горлопаны только и знают, что вопить: аул, аул. Ну и что? Свободу же дали аулчанам! Что еще им надо? Веками боролись за свободу, вот, наконец, обрели ее, а у этих крикунов один альяуляй: аул, аул. Постыдились бы хоть!

Дулат Исабеков опубликовал проникновенно-пронзительный очерк “Аул уходит в небо”. Тынымбай Нурмаганбетов обнародовал на тему аула не одну статью, не один рассказ. Хоть и очень поздно, но сказал-таки свое слово, высказал свою боль об ауле много разъезжающий по Казахстану и много замечающий Абдижамил Нурпеисов. О бедственном положении аула говорили мои коллеги по государственной Комиссии по национальной политике при Президенте Казахстана. О печальном состоянии аула из передачи в передачу вещают “Голоса” и “Азаттық”. Потоками идут корреспонденции журналистов, письма из глубинок. Мотив один: плохо, ужасно, губельно. Надо что-то делать. Что-то предпринять. Вмешаться в этот разрушительный процесс. Необходимо сберець основу народа, опору страны. Так больше жить нельзя. Замелькали на страницах газет стихи: “Ауыл-аза” (“Скорбь аула”), “Қайран, ауыл” (“Бедный аул”). Писали: “Плачь, аул, плачь, сиротинушка!”. Или: “Воры шастают по аулу. Ночь темна. Не слышен даже лай собак”. Или: “Что за время настало? Что стало с аулом родным?!” Академик Кенжегали Сагадиев горько сетует:

“Сердце разболелось при виде бедного облика родного аула. Помочь нечем. Руки коротки”. (“Ана тілі”, № 24/02). Ему вторит прозаик Баккожа Мукай: “Когда бываю в своем ауле, душой изнываю. Раньше мы тосковали об ауле, рвались к нему. Теперь спешим скорее из него уехать. Невозможно и нечем утешить сбитых с толку усталых земляков. Аул изнурен, скудная жизнь, нищета прочно оседлали аулчан” (“Парасат” № 6 /02). О том же говорит поэт Кастек Баянбаев: “Мой родной аул практически исчез с лица земли. Там осталось немного домов. Он опустел” (“Книголюб”, “11-12/02). Кадыр Мырза Али в своей поэме “Не сказать мне обо всем, не пересказать” (“Егемен Қазақстан”, 17.02.01) поэтически и сатирически, с болью в сердце, ёдко и открыто указал на все бесчисленные язвы нашего больного общества. Он пишет: “Иные перемены нашей жизни напоминают нам легенды о конце света”.

Об угасании аула, о его распаде, гибели пишут мне письма, рассказывают друзья, знакомые, земляки. Многие я видел и сам в своих поездках, когда я, баллотируясь в депутаты, объездил все районы Павлодарской области; о том же всюду шла речь и в Семипалатинске, где я бывал неоднократно в бытности его областным центром; то же видел и в некоторых регионах Южно-Казахстанской области. Свои впечатления я использовал в пока что неопубликованном романе “Туюк су”. А здесь, в данном эссе, я заключу свои всем известные в общем-то мысли словами поэта Кадыра: “Не сказать мне обо всем, не пересказать...”

В начале 60-х годов прошлого века советская власть обрушила на аул очередной удар. Вообще

аул все время находился под градом социальных, экономических, идеологических, этнокультурных ударов. Над аулом проводили эксперименты все кому не лень. Большевистские преобразования следовали одно за другим. И с каждым волевым вмешательством самодурной власти аулу становилось все хуже. Лишь отдельные нововведения (радиофикация, электрификация, медицинское обслуживание, “красные юрты”, читальни, библиотеки, школы) обернулись во благо. “Реформатор” Н. Хрущев решил аулу продемонстрировать “кузькину мать”. Мало что заставил распахать вековые пастбища, навязал еще земледельцам сеять кукурузу, горох там, где они сроду не росли, лишил казахов скота. Стон и отчаяние прокатились тогда по всей степи. Коров, забредавших невзначай на чахлые кукурузные поля, загоняли бдительные охранники в общественный загон и держали впроголодь по нескольку дней, штрафуя хозяев, заставляя их просить, умаливать отпустить аллаха ради родную скотинушку. Аулчане были в одночасье поставлены в униженное положение. Были объявлены строгие ограничения: на подворье следовало держать одну корову, или одну кобылу, или трех овцематок, шесть-семь годовалых овечек. Что творилось тогда в аулах — пером не описать. Скот резали напропалую, а мяса сдавать было негде. Ревели недоенные коровы. Блеяли ошарашенные овцы. Отцы семейств толпились у аулсовета, уговаривая местную власть записать буренку на жену, овечек на детей, при этом на разные фамилии, чтобы придать хоть бы видимость законности своего не очень-то и внушительного состояния. Ой-хой, бывали же дурные времена! Без здравого смысла, без такта и деликатности, без оглядки на традиции, без учета реальности. Своеволие и разгул. А страдал народ,

хирел аул. И вся эта вакханалия трактовалась алилуйщиками-идеологами как еще одна яркая победа родной партии и правительства. Мотивы этой социально-политической бестолковщины и экономического головоулетствия нашли тогда отражение в “Одинокое доме” С. Жунусова и “Черном старике” А. Сулейменова. “Реформы” Хрущева нанесли аулу сокрушительный урон, выбили аульный люд из колеи на долгие годы.

Но как же быть с аулом? Да, жизнь не стоит на месте. Урбанизация взяла высокий (стихийный) темп. Но хочешь — не хочешь, а почти половина всего населения страны обитает на земле. Судьба большинства казахов все еще связана с аулом. Казах вообще верен и привержен родной земле, месту предков, месту, где капнула первая капля крови от пуповины. Казах продолжает жить в Приаралье, в пустыне, в заброшенных бесперспективных безводных, безтравных регионах и не спешит покидать отчий край. Казах презирает тех, кто ищет лишь сытое, доходное место, оставляет родную землю. Казах считает это недостойным для человека поступком, это доля бродячей собаки. И продолжает жить в невыносимых условиях и при этом еще благодарит Создателя за все его благодеяния.

Власть долго и упорно отмахивалась от аульных проблем. Старалась их не замечать. Вообще о том не думать. Лишила аулы мало-мальских очагов цивилизации. Подорвала экономически. Растоптала физически. Расшатала нравственно. Унизила психологически.

Наконец, когда уж все обрушилось в пучину безнадежья, власть спохватилась: апырай, дела в

аулах, оказывается, и в самом деле жаман, ой, жаман, дальше некуда. Надо что-то срочно предпринять. Что будет, если вся эта голытьба ринется в города?! Надо поддерживать, вкладывать инвестиции. По пути Запада не пойдешь: не те размеры, не те горизонты, не та ментальность. Не та инфраструктура. Всех в город не переселишь. Огромное пространство страны необходимо как-то удержать, осваивать. Иначе хлынут такие орды келимсеков, что независимость зашатается и будущее народа, нации станет проблематичным, все величественные горизонты фантастической программы 2030 рухнут.

Так родилось последнее по времени Послание Президента страны к народу, в котором главное внимание уделено — наконец-то! — аулу. Что и говорить, Послание верное, продуманное, правильное. Акценты расставлены точно. И пути намечены разумные. Все так. И, бесспорно, если вложить серьезные (почти немислимые) средства, что-то еще можно сделать. Ну, дома построить, дороги, культобъекты. Можно воздвигнуть агрогородки, фермы, фирмы, наладить крупные хозяйства, удержать людей на земле, внести лад и склад в порушенное бытие. И при многолетней заботе, государственной помощи, внимании и терпении все это может быть, скорее, даже будет. Но то, что будет, будет чем угодно, только не прежним аулом, коим он был, скажем, в минувшем веке. Аул в своем изначальном понимании уходит с арены национальной истории навсегда. Как ушла конно-кочевая цивилизация. Ничего не поделаешь. Такова истина. Таков круговорот бытия.

В ТЕМНЫЙ ЧАС ПЕРЕД РАССВЕТОМ...

*Ұрлығы көп заманда
Ұлымасқа амал жоқ.*

Ж.Бодешұлы

В темный час перед рассветом... Это час тревоги и опасности.

Зыбкое, роковое время. Неслучайно именно в эту часть суток человека подстерегают всевозможные кризы, инфаркты, инсульты и прочие напасти. Мне чудится, темный час перед рассветом весьма характерен и для нынешнего Казахстана. Утешает то, что рассвет неизбежен, неминуем. Этой верой и живем. Огорчительно лишь то, что в природе этот промежуток времени длится действительно час, а вот в общественно-социальном смысле этот темный час до вожделенного рассвета может протянуться и год, и два, а, скорее всего, не одно десятилетие. В пресловутой цифре 2030, упорно вколачиваемой в наше сознание, есть что-то магическое и роковое. Вполне возможно, что это и есть та самая межа, до которой продлится, к нашему сожалению, темный час перед рассветом в Казахстане. Если общество более стремительно эволюционирует, счастливо избегая потенциальные (упаси, Аллах!) катастрофы, и просыпающемуся народу удастся стряхнуть с себя это жуткое наваждение, навеянное сомнительной стратегией, то это следует воспринять как благо, это и означает приближение рассвета. Но, как говорится, уповать следует на лучшее, но разумно настраиваться на худшее.

Казахстан, как мы все более и более убеждаемся — огромная и богатая, но необжитая, неухоженная, неупорядоченная страна. Облагородить такую страну непросто, что всем понятно. Все в ней пока зыбко: и власть, и пространство, и деньги, и идеи, и цели. Этому хаосу необходимо как-то противостоять. Нужны государственная воля и политический разум. Их я пока не вижу. Преобладают так называемый метод проб и ошибок, хватательные инстинкты и саморазрушительная стихия временщика. Вот это-то и опасно. Эта-то пагубная психология и затягивает темный час перед рассветом. Эгоизм и хаос треплют страну. Все недовольны, все-брюзжат и негодуют. Большинство современных юркачей (по-казахски: пысыкаев) независимо от национальности — несчастные люди. Они думают выжить в одиночестве, намереваются устроить для себя райский уголок в океане нищеты. К ним приложимо казахское выражение: “Өз күнін ит те көреді”, т.е. “Саму себя как-нибудь и собака прокормит”. Весь “талант”, все “деяния” этих несчастных сосредоточены на собственной шкуре. А с такой “установкой” страну не обустроишь, не облагородишь. В основе этого примитивного представления, этой “нуворишевской” психологии лежит элементарное бескультурье, невежество, прямо-таки насаждаемое нынешней властью. И в этом своем рвении она слишком далеко зашла в последние годы, и обернется это — нетрудно провидеть — бездуховной пустыней, которую предстоит потом преодолевать с большими потерями не одному поколению. Если денно и нощно заботиться только о своем мнимом личном благополучии, то и сам счастливым не станешь, и другим лишь одно горе доставишь. Эту банальность подтверждает казахская мудрость: “Тоғыз бермей,

он ала алмайсы”” — “Пока девять не дашь, десять не получишь”. Это нравственный закон. Нынешние наши правители склонны получать десять, не давая ничего. Это сопряжено с гибелью.

Наступила эпоха мелких ловкачей (по-казахски: “жай пысык”). Огромная армия ловкачей-пысыкаев уповает главным образом на воровство и слепую удачу. По Абаю — это неполные люди (“толық емес адам”). И пока это обжорливое, саранчовое племя не сойдет со сцены, Казахстан с колен не встанет.

* * *

Сплошь и рядом жалуются, что-де в Казахстане в последнее время плохо с юмором. Не знаю, откуда такое представление. Мне лично смешно при словах “Партия Отан”, “Демократические выборы”, “Борьба с коррупцией”. Обхохочешься! И то, что от выражения “демократия в Казахстане” я осмеливаюсь хохотать, уже свидетельствует о наличии некоторых ее элементов. Иначе не то, что хохотать, и губы скривить бы не решился.

Меня удивляет, что иные журналисты и деятели из стана оппозиционеров возмущаются на страницах газет по поводу нашего общественного сознания и порядков в стране. Между тем, думаю, нет особых причин для возмущения. Просто надо подходить ко всему исторически. Ведь какая у нас власть? Ордынская. Каков закон? Ордынский. Каково управление? Ордынское. Следовательно, и порядки, и ментальность — все ордынские. И по-другому и быть не может, пока строи, режим, цель, задачи, система остаются ордынскими. И каждый должен прежде всего решать для себя: хочет ли он прозябать по-ордынскому или жить по-цивилизованному. И от этого индивидуального

решения зависит и норма поведения в обществе. Да и само общество.

Кстати, о последних выборах. Половодье сникло, утишилось, а мутные волны разливаются все шире. И, видно, войдут в спокойный берега нескоро.

И это понятно: “низы” еще не в состоянии проявить свою демократическую волю, “верхи” уже не в силах держать общество в авторитарной узде. Народ жаждет перемен: власть их боится пуще степного пала. Одни утверждают: “Так жить нельзя!”, другие понимают: “По-другому жить — нам хана”. Отсюда весь сыр-бор.

Эта почти что патовая ситуация и определила характер последних выборов. Они напомнили мне сцену из третьей книги “Путь Абая”. По сценарию, спущенному “сверху”, должен был быть избран в волостные правители сын всемогущего Кунанбая — Оспан. Полагали, что белых шаров за Оспана окажется не менее тридцати, но на цифре девять толмач-счетчик вдруг осекся. И тогда “ояз” (уездный начальник) Казанцев в растерянности шепнул своей благоверной: “Провалили!” Благоверная ояза, Анна Митрофановна, от ужаса выпучила глаза, испуганно вскочила и неволью воскликнула: “Как так!”. Простодушные казахи, наблюдавшие за ней, расхохотались и стали передавать друг другу слова жены ояза, переиначив их на казахский лад: “Баба ояза сказала: “Көтек!”

Из-за непере译имой игры слов — “Как так!” — “Көтек!” — эта сцена в эпосе Мухтара Ауэзова в русском переводе опущена. А жаль! Она живо передает всю комичность ситуации. “Көтек!” — это возглас аульной казашки, возглас испуга, удивления, реакция на что-то неожиданное .

Так и ныне смазливый правовед — стражница избиркома не однажды, надо полагать, восклицала: “Көтек!”

“Көтек!” — вырывалось поневоле и у дрожавших от страха акимов, акимчиков и акимушкиных.

“Көтек!” — твердили и сценаристы, спускавшие из высоких кабинетов “установки”.

“Вот вам и көтек!” — повторяли и “победители”, и проигравшие. Выборы, конечно, прошли на уровне фарса. И это все знают и без ОБСЕ. Список кандидатов-победителей был утвержден в астанайских кабинетах задолго до избирательной кампании. По этому списку и работали неукоснительно, в конечном итоге лишь двое-трое из наиболее настырных проникли в Мажилис вне генерального плана. Зная все это, я впервые вовсе не участвовал в голосовании, о чем заранее заявил по радио “Азаттык” и в печати. Поступил я, понятно, неверно, но просто не хотел, чтобы и на этот раз делали из меня дурака. Надоело!

Но выборы — та же борьба противоположностей. И борьба была — пусть нечестная, несправедливая, порою наглая, беспардонная, но все же борьба, в результате которой отчасти проснулся, а кое-где даже активизировался электорат. Даже остолопы-маубасы малость пошевелили мозгами и начали отличать ОТАН от АТАНА, а АЗАМАТ от ГРАЖДАНСКОЙ ПАРТИИ. Это уже кое-что. И этому, как говорится, тауба! В этом залог потенциального прогресса в общественном сознании. Власти почувствовали, а может, даже поняли: не все происходит по верховному сценарию, мухлевать все труднее, наступит время — придется с народом считаться. Глядь-поглядь, лет эдак через двадцать, выборы пройдут у нас почти честно, открыто и справедливо, но это будет другое общество. Придет время — американцы

станут приезжать в Казахстан учиться демократии. Но для этого необходимо наше общество трижды основательно проварить в хорошо очищенном котле.

Невинные с первого взгляда “идейки” о каком-то собственном пути Казахстана к демократии на самом деле коварны и опасны. Они также исходят сверху и должны оправдать прорехи самодеятельной политики.

Разумеется, то, что в нашей стране относительное спокойствие — великое благо. И обязаны мы этому отнюдь не мудрому правлению, как нам постоянно внушают, а прежде всего самому многонациональному народу Казахстана, который на основе своей судьбы хорошо знает, почем фунт лиха, и чем обернется общественная смута. Все сто двадцать шесть национальностей и народностей, проживающих издавна на этой земле, как один, заинтересованы в мире, спокойствии и стабильности. Только не той стабильности, по которой — согласно Джанни Родари — “будут бедные беднеть, богатые богатеть, император процветать, а народы умирать”. Именно благодаря такому историческому сознанию и благоденствует власть. А не наоборот. Но у казахстанцев уши должны быть на макушке. Набат бьет: люди, будьте бдительны! Когда власти будет худо и воровать-хапать станет нечего, она запросто пойдет, не моргнув глазом, на крайние меры: стравит народы, как голодных, шелудивых собак, ради спасения кучи дерьма, на которой восседает. Уж коли сама власть, пока что осторожно, долдонит о собственном сложном и долгом пути к демократии, то за этой не очень-то оригинальной философией видны контуры оторванного от мира захудалого аула

на семи ветрах. Для Казахстана это равнозначно самоубийству. И на эту приманку не стоит клевать.

* * *

Первые же шаги нового общественного формирования или акционерного общества под претенциозным названием “Отан” (руководители его лишь с недавних пор научились более-менее правильно произносить это слово, уяснив для себя, что в казахском языке “родина” и “холощенный верблюд”, оказывается, не одно и то же) произвели негативное, деструктивное впечатление. Начал “Отан” с шума, треска, с жестяного барабанного боя, с таких крутых организационных мер, что мгновенно чувствовался мутный поток шальных денег. По разнарядке сверху, никого не спросясь, принялись сливать недавно лишь тляп-ляп скроенные малокровные партии. В пожарном порядке членов вербовали целыми косяками и отарами. Однажды, проснувшись, я узнал, что ПНЕК, в которой я, соблазненный милому моему сердцу словом “единство” (единство народов Казахстана — мой идеал), состоял аж членом ЦК, с потрохами проглочена “Отаном”. Уаи, почтенные, а меня вы спросили?! С какой стати меня-то толкнули в душные объятия нового формирования, рожденного в темный час для пушего обратания затюканного народа?! Естественно, все существо мое взбунтовалось, и с тех пор моя бедная головушка не находит пристанища и уюта ни в одной партии. Осиротел напрочь! Да не обо мне речь... Народ-то сразу раскусил, откуда и куда дует сары-аркинский ветер, что такое “Отан” и для чего и для кого он понадобился. Раскусил — и ошетинился. При виде отановца (или отаниста) бедный люд трясет, ибо он хорошо знает этих рыцарей

вчерашнего дня, джентльменов удачи, вдохновителей всех наших “побед” и поражений.

Разумеется, речь идет не о тех отанистах, которых записали оптом, по недоразумению и добровольному принуждению — врачах, учителях и прочих бедолагах-бишарах, а о родоначальниках этого бесславного ордена, ярко продемонстрировавших свою истинную суть во время выборов. В избирательную компанию отанисты вели себя напористо, разнузданно, дерзко, держали круговую оборону, как гвардейцы-панфиловцы, топтали своих соперников, словно верблюдов-бура в пору гона, руководствуясь древней казахской поговоркой: “Всесильный и задницей жернов вертит”. Вот эти-то разнузданность, вызывающий напор и беспредел истораживают взбаламученное общество. Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне чудится, что именно это формирование опрокинет нашу страну в пучину больших лишений и бед. Боюсь, оно станет национальным позором.

Вековая народная мудрость все предусмотрела. Немало советов она заготовила впрок и политикам постсоветских независимых государств. Были бы чуткое ухо да сметливый ум!

Ну, к примеру, все помешаны на кредитах и инвестициях. Для казахстанской политики они, например, являются краеугольным камнем. А что гласит народная мудрость по этому поводу?

Нужду неси, а займы не проси. Долг — тяжелое бремя: потеряешь сон и время. В долгу, что в море: ни дна, ни берегов. В долг брать легко, да отдавать тяжело. От займа богат не будешь. Кредит портит отношения.

А вот поговорка о госчиновниках: от худого семени не жди доброго племени. Сколько у нас сменилось правительств, сколько тасовок и рокировок свершилось на нашем коротком независимом веку! И все без толку. Не оттого ли, что семя худое?..

Или вот: кто лжет, тот и крадет. Врун и вор под одной крышей живут. Брюхо сыто, да глаза голодны. Брюхо болит, на краюху глядит. Жадное брюхо ест по уху.

Правда, очень знакомые всем нам кадры?

А сколько поговорок предвидел народ о нашей борьбе с коррупцией, которую сам Президент наш окрестил “стрельбой по воробьям”. Что сходит с рук вора, за то воришек бьют. Алтынного вора вешают, а полтинного чествуют. Кто украдет рубль, того отдадут пбд суд, а кто тысяч двести, того держат в чести.

Руководствовалась бы наша власть народной мудростью — может, и темный час перед рассветом скорее развеялся...

То, что наблюдается некоторое шевеление в оппозиционном стане, характеризует наше общество позитивно. Прежде всего, думаю, это должно радовать Президента страны. Ведь Президент без оппозиции не Президент, а так себе баскарма, уездный правитель, самое большее — хан. Это очень незавидное положение. Без серьезной оппозиции Президент лишен возможности продемонстрировать свой ум, талант, свою мудрость и дальновидность. Правда, я и поныне считаю, что наша оппозиция — младенец, только-только пытающийся встать на ноги. Где нет позиции, там нет и оппозиции. Слабое правление — слабая оппозиция. Каков поп — таков и приход. К сожалению, нашему Президенту самому приходится заботиться об оппозиции, терпеливо пестовать,

взрачивать ее, иначе захиреет, стагнирует все его правление. И в этом смысле последние выборы дали определенный стимул для зарождения оппозиции и в нашей стране. Еще три-четыре таких выборов и может появиться полнокровная оппозиция. Далекое не о всех, кто ныне слывет оппозиционером, я высокого мнения. Среди них встречаются и такие, которые, дорвавшись до власти, наверняка наломают столько дров, что нынешние “птенцы нурсултанова гнезда” почудятся ангелами. Но власть допустила близорукость, всяким уфитом-суфитом, шахером-махером преградив путь к законодательной власти хотя бы дюжине даровитых людей из нынешних так называемых строптивцев. Тогда, кто знает, были бы и волки сыты, и овцы целы. Своим бездумным упорством и маниакальным страхом власть поневоле ускоряет свою неотвратимую гибель.

Люди изжаждались рассвета. Уж больно затянулся темный час. Чтобы приблизить рассвет, необходимо власти все же считаться с народом, не злоупотреблять его терпением, не видеть в нем только толпу, сброд, быдло. Народ следует уважать. Не то он заставит считаться с собой. Это было не раз. Это мы знаем. И если до этого дойдет — всем будет худо: и тем, кто — согласно казахской поговорке — прыгает от сытости, и тем, кто прыгает от стужи. Помнить о том следует крепко, всегда, как притчевый национальный герой о своем дырявом чапане...

Сердце мое печалится не только или не столько о сокрушенной экономике Казахстана, это дело поправимое. В конце концов для того, чтобы вывести Казахстан из экономического кризиса

достаточно закордонных “сбережений” десяти его славных джигитов — “отцов-благодетелей”. О том свидетельствует зарубежная печать. Печалит меня духовная деградация страны и народа, происходящая на наших глазах в последние годы. Я имею в виду поруганную культуру, посрамленную науку, низведенное до примитива образование, сокрушенный на многие десятилетия вперед, задавленный, обкорнанный, секвестрированный интеллект — все то, что достигается цивилизацией по круплицам. Уже сейчас очевидно: возродить все это и после 2030 года будет трудненько. В том вина не только правителей-временщиков, но и того слоя населения, который называет себя зиялы қауым, разумной частью общества, т.е. интеллигенцией, к большому горю, также руководствующаяся древней казахской мудростью: “К.. қысқан бай болар”, что в смягченном переводе по смыслу означает: “Кто тихо живет — богатым станет”.

Ой, ли?! Очень сомнительно!

АШЫҚ АЙТЫП, АДАЛ СӨЙЛЕУ - АЗАМАТТЫҚ ПАРЫЗ

*(Республикалық “Қазақстан мұнайы” газетінің
бас редакторымен сұхбат.)*

1. Әдебиетке қатысты әңгіме қозғалса есімі әспеттеліп айтылатын тұлғалардың бірі Сізбен, Герольд Бельгер мырза, кездесіп адамгершілік, ар-ұят, намыс тақырыбына ой бөліссек деген ойдың көңілімізде қылаң бергеніне көп болды. Бұл тақырыпты қозғауға өзек болған жайлар бар. Қазір өмірдің тіршілігі кішкене қым-қуыттау кезде Елбасының сындарлы саясатымен бір мысқал болса да алға дамудың, алға жылжудың орнына “бәзбіреулер” демократияны желеу етіп, адамдықтан аттап, ар-ұятты белден басып барады. Сондықтан газетімізде алғаш ашылып отырған “Айтпаса сөздің атасы өледі” деген айдарымыздың тырнақалды тақырыбына қаламыңыздың қарымы мол, “Айтпаса сөз атасы” қалай өлетінін өз тұстастарыңыздан көшілгері айтып келе жатқан сізді сөйлетуді ұйғардық. Әрине, аталған тақырыпта әңгіме болмай жүрген жоқ. Біздің мақсатымыз - өз қызметіміздің алдындағы борышымызды өтеу. Бүгінгі Сізбен болар сұхбатты көзі ашық, көкірегі ояу пенде түсінер, ал түсінгісі келмегендерге сабақ болар деп ойладық. Сіз осыған қалай қарайсыз?

-Адамгершілік, ар-ұят, намыс тақырыбына Батыс пен Шығыс гүламалары терең-терең ойларын әлдеқашан айтып кеткен. Ол жайынан қазақтың

белгілі-белгісіз ақындары, билері, шешендері де аз толғамаған, аманат сөздерін қалдырып кеткен. Оларға дәл менің қосарым жоқ. Әттен біздің аузы-басы қисайып кеткен заманымызда осы қасиетті ұғымдардың мән-мағынасы құлдырап, солғын тартып, өні кетіп, жаттанды, жауыр сөзге айналған. Тіпті күнделікті қолданыстан шығып қалған ба дерсіз. Бұл күндері мұндай сөздерді сирек еститін халге жеттік. Доллар үстемдік жүргізіп тұрған ар-ұят, намыс, адамгершіліктен ада нарық дәуірінде бұл ұғым-түсініктің керегі де болмай қалған сияқты ғой. Нанбасаңыз, билік басындағылардың, халық қалаулылары деп жүргендердің сөз саптауына, күнделікті әңгіме-сұхбаттарына арнайы назар аударып көріңізші. Мұндай ұғымдарды төрт жылда бір кездестіре қояр ма екенсіз. Ол ұғымдар тек ескі түсіндірме сөздіктерде қалған. Қоғамға керегі болмаған ұғым бірте-бірте түпкі мәнін жоғалтып, қолданыстан шығып қалады емес пе? Біз қазір тап сол жағдайға тап болып отырмыз. Бұл ұғымдардың түп атасы енді теңге де емес, доллар болды. Ар-ұятың да доллар, намысың да доллар, адамгершілігің де доллар. Бәрі сатылады, бәрі сатылып алынады. Осы ұғымдардың байырғы мәні жайында Ділдә апамыз (Матай қызы, Тасмағамбет келіні) өзінің “Тәрбие жайында толғаныс” кітабында зерделі пікір айтып, ой толғаған. Ол кітапты мен таяуда орысшалап, әжептәуір ғибрат алдым. Осы кітапта айтылған ой-пікірге бүгінгі қазақ құлақ түріп, ықылас қойып, көңіл аударса, игі болар еді. Осы іспеттес қасиеттерді оқта-текте елдің игі жақсылары еске түсіріп, жанына түйсе абыройлы болар едік-ау. Бірақ оларға доллар, мұнай, билік, гольф, шет елдік есеп-шот болса, қалғанының не керегі бар, тәйірі. Қалғанын есеңгіреп қалған қияли ақын-жазушылардың үлесіне берген ғой...

2. Сіз “Қазақ әдебиетінде” жарияланған бір материалыңызда Қазақстанның өткені, қазіргі жағдайы мен болашағы туралы осы күні тіпті қатты ойланамын депсіз. Бұл кездейсоқ ойлану емес болар. Түрткі болған не жағдай?

-Ия, ол рас. Мен 61 жылдан бері Қазақстанда тұрып келемін. Сонда қай елдің өткенін, қазіргісін, ертенгісін ойлануым керек? Әрине, ол ойларымнан Қазақстанға келер-кетері бар ма - ол басқа мәселе. Әйгілі орыс жазушысы баяғыда айтқан екен: “Біздерсіз Россия жасай береді, ал біздердің Россиясыз күніміз қараң”, - деп. Ол сөздің қадірін мен бүгінде жақсы түсінемін. Мен Россияда туғанмен, өсіп, адам болған жерім - Қазақстан. Еліме пайдам тиер болса, мен Қазақстанды тек күндіз емес, түнде де ойлар едім. Ой әртүрлі. Кейде әжептәуір марқаясың, шалқисың, шабыттанасың, енді бірде айналандағы келеңсіздіктерге қарап, өзіңнен өзің налиссың, сары уайымға салынасың, абыржисың, түңілесің. Оған түрткі болатын не нәрсе? Баяғы қазақ ауылдарын ойлаймын. Ой-хой, заман еді-ау!.. Баяғы қазақтарды ойлаймын. Қазіргіден мүлде басқа болып елестейді. Бір кездегі, ғасырлар бойы қалыптасқан ұлттың қадір-қасиеті, үрдісі, ата жолы, дүние танымы, түйсік-түсінігі, тілі, ділі, адамшылық, парасаты - бар-бәрі солғын тартып, азып-тозып, мәнсізденіп, құрдымға кеткендей болып көрінеді. Баяғы пейіл, ниет, мейірімділік, қайырымдылық, игілік көрнекті іс жоқ. Әрі қарай не болар екен? Мен білер қазақ көп орыс, көп американдықтардың бірі болып шыға ма, әлде әрі-сәрі, дүбара халде жүре ме? Аты қазақ, заты шүршіт бола ма?.. Әйтеуір сұрақ көп, жауап жоқ. Содан неше түрлі ой басқа үйірілмей ме?

3. Осы Сіздің “Кездейсоқ жазбалар” кітабыңыздағы материалдардың мазмұны заманға хат немесе асып-тасқандарға тыйым болса дегенді меңзейтін сияқты. Кездейсоқ жазбалар болғанмен олардың ой төркінінде “қызым, саған айтам, келінім, сен тында” деген салиқалы салмақ жағы көзге ұрып тұр. Материалдардың дәл осылай тууына себеп болған жағдай туралы айтпас па екенсіз?

-“Кездейсоқ жазбаларым”, әлбетте, кездейсоқ нәрселер болмаса керек. Жапондықтарда “дзуйхицу” деген әдеби жанр бар. Ол еркін жазбалар, пайымдаулар деген мағынаны білдіреді. Меніңше, кейде қаламға еркіндік беру керек сияқты. Еркін қаламнан еркін дүние туады. Француздардың “эссесі” сықылды. (Қазақтардың эссе деп жүргені көбінесе жадағай, қарабайыр естеліктер ғой). “Дзуйхицуға” негізінен жазушының жол-жөнекей жазбалары, қойын дәптеріндегі үзіліп түскен тіркестер, көрген-білгені, байқағаны, тоқығаны, қаз-қалпындағы өмір көріністері, суреттер, ойға түйгендер, соны оралым, сөйлемдер, афоризмдер, естеліктер жатады. Италияндықтар мұны “Туттифрутти” дейді. Орысшасы: “Всякая всячина”. Ол жанрдың хас шеберлері Ю.Олеша, В.Розанов, Н.Рерих. Менің кітабым да осы әуенде жазылып жүрген еңбек қой. Ол жалпы ғұмыр барда бітпейтін кітап. Оны бір ыңғайы келгенде кілт үзіп, бітіре салу керек. Әрине, онда ақылға қонар, ойға жетелер нәрселер әбден болуы мүмкін. Жазылып бітпеген ол кітаптың кейбір тараулары әртүрлі газеттерде “Парасатта”, “Таң-Шолпанда”, “Нивада” шығып та үлгерді. Кітаптың кейбір беттері орысша, қазақша, тіпті немісше де жазылған. Оларды бір тілге түсіремін бе, әлде осы қалпында қалдырамын ба - әзір шешкем жоқ.

4. Суреткер парызы - ашық айтып, адал сөйлеу деп өзіңіз айтатындай айтып отырған ашық әңгімеңізге “дос жылатып айтады, дұшпан күлдіріп айтады” - дейді ғой, көп рахмет. Әңгіме барысында бір ой ілгері, бір ой кейін айтылған болар. Десек те Асанқайғы бабамыздың “ой түбінде жатқан сөз шер толқытса шығады, су түбінде жатқан тас жел толқытса шығады” деген қағидасы бұл айтылғандарды растар еді.

Әрине ел Тәуелсіздігінен бергі жылдардағы талай-талай оң өзгерістер де, қиын кездерді де көз көріп келеді. Олардың бәрі заңды құбылыс. Реформалар аяқталды. Ел экономикасы қалыпқа түсуде. Халықтың тұрмысы әнебір сорлы емес. Оған дәлел біртіндеп көбейіп келе жатқан кәсіпкерлер бар. Мысалды көптеп келтіруге болар еді, бір әңгіме аясына бәрін сыйғызу қиынырақ.

- Сауалыңыздың алғашқы жартысына ешбір дауым жоқ. Жөн. Орынды. Бәріне қосыламын. Достың жылатып айтатыны да ақиқат. Ал, сұрағыңыздың екінші жартысындағы кейбір тұжырымдар күмән келтіреді. Әлбетте, тәуелсіздігіміздің он жылдығында оң өзгерістер болмады дегенді мен де айта алмаймын. Неге болмасын? Болды! Бірақ “әттеген-айлар” да жетерлік емес пе? Оны жасырып не қыламыз? Егер дақпырт сөзбен жалаң ұранды қоя тұрып, он жыл ішінде өндіріс өнім көрсеткіштерін саралап, ашып берер болсақ (ол көрсеткіштер жекелеген объективті басылымдарда жарияланған, мәліметтердің барлығы бар, мен бірақ жауаптарымды мамандар білетін цифрлармен ауырлатқым келмейді), жеткен жеріміздің шамасы белгілі болар еді. Онда басшылардың баяндамаларында көзге ұрып тұрған “жетістіктеріміз” әжептәуір көмескіленіп шығар еді. Өміріміз жаңарды, түрленді, керемет жақсарды,

күлпырды, көркейді, халқымыз мәз-мейрам, бақытқа кенеліп, жаны рахат күйге толды деуге аузым бармайды. Ауылдың ауыр жағдайы, жұмыссыздық, рухани тоқырау, жастар проблемасы (жезөкшелік, нашақорлық, маскүнемдік, ұрлық-қарлық, сенімсіздік), денсаулық деңгейі (СПИД, туберкулез, мерез), тастанды сәбилер, жемқорлық, сыбайластық, тойып секіру мен тоңып секіру, байлар мен кедейлердің алшақтығы, т.с.с. еске алсаңыз, еріксіз ойға батпайсыз ба? Мұның бәріне көз жұмуға бола ма? “Олардың бәрі заңды құбылыс” дейсіз. Қалайша? Кім үшін заңды? Неге заңды болады? Қазақстанда кісі басына бір тонна бидай, үш тонна мұнай келеді деп бөркімізді аспанға атамыз. Сүйтіп жүріп, халқымыздың сексен пайызының халі неге мүшкіл? Қоқыс жәшіктерін ақтарып жүрген бомжылар неге жылдан жылға көбейіп келеді? “Реформалар аяқталды”. Оны кім айтты? Не үшін айтты? Неден байқадық? Бұл ұрлық аяқталды дегеніңіз бе? Әлде тығырықтан біржола шығып, дағдылы жолға түстік деп түсінеміз бе? “Ел экономикасы қалыпқа түсуде”. Ол бастықтардың “ә-ләу-ләйы” ғой. Халық оны неге көрмейді? Әлде мықтылардың жаппай гольф, теннис ойындарына бет бұруын экономикамыздың дамуы деп қабылдаймыз ба? Экономиканың көтерілуі ең алдымен мәдениетте, денсаулық сақтау жүйесінде, ағарту мәселесінде, мектеп, кітапханаларда, жалпы әлеуметтік салаларда көрінбеуші ме еді? “Халықтың тұрмысы әнебір сорлы емес”. А, солай ма еді? Сорлы болмаса, қоқыстың маңында таң атпай таласып жүрген бишаралар қайдан келді? Бомжылар неге көбейді? Қалада тентіреп жүрген үй-күйсіз, аш-жалаңаш ауылдықтар не бітіріп жүр? Базарда арба сүйреп, қап аркалап жүрген жоғары білімі бар қаңғыбастар неге көп? Қазақ қыздары жезөкшелікті неліктен

кәсіп қылып жүр? Темір жол торабында жаппай ұсақ-түйек саудамен айналысып жүрген қазақтарды неге көрмейміз? Маған әр облыстардан негізінен қазақ милләтынан жан түршігер хаттар келеді. “Ер жеткен балалар қаңғып жүр. Жігіттер жұмыссыз: арақ ішеді, наша тартады, ұрлық қылады. Әйелім каш сүйреп жүріп, аварияға ұшырады, мүгедек болды. Үйдегі жеті-сегіз жан жалғыз менің пенсияма қарап отыр. Малымыздың бәрін ұрлап кеткен. Күнкөріс нашарлап кетті. Қалаға көштік. Ескі жатақханада тұрамыз...” Міне, еститінің, көретінің осы. Осындай хаттарды оқығанда жүрегің қан жылайды. Ал, телевизорды басып қалсаң, бастықтар еріккеннен гольф ойнайды, той тойлайды, екі-үш қабат мекен-жай салады, шет елдерде, Аймауытовша айтсақ, “катайтса” қылады. Соны көріп, іш қазандай қайнамай ма? Асан Қайғыдан бетер уайымға салынбайсың ба? Келешектегі тап тартысынан жаның түршікпей ме? Дүние жүзін жайлаған терроризм осыдан туындамай ма?

5. Енді елдегі жаңалықтарға үн қоса отырсақ. Тілге тиек ететіндей жаңалықтардың бірі таяуда құрылған “Қазақстанның демократиялық таңдауы” қозғалысы мен “Ақ жол” партиясы. Екі топтың да басында Қазақстанның танымал, белсенді қайраткерлері. Осы орайда Камал Смаиловтың - “...осылардың басында біз білетін азаматтар көрініп қалды. Ораз Жандосовты кезінде шетелдің экономистері мықты жүз экономистің бірі деген-ді. Оның теориялық білімі мен Қазақстанның бүгінгі болмысы арасында үлкен алшақтық жатыр деген болатын. Күрделі реформаны басынан өткізіп, қолымен жасаған Ораздың сол процестен шеттеп қалуы күтпеген жағдай” дегені еске түседі. Сонымен бірге “Әлихан Бәйменов те Президенттің басшылық

камқорлығымен елімізде мемлекеттік қызмет жүйесін қалыптастыруға үлкен еңбек сіңірді. Әр түрлі алмағайып тәжірибелерге баруға болмайтынын түсінуге тиіс еді ғой” - деген пікірінен Сіз де хабардар боларсыз?

Айтыңызшы Герольд аға, осы жерде айтпай сөздің атасын өлтіргенше айтсақ қайтеді. Камал Смаиловтың “алмағайып тәжірибесі” астарлы сөз екені анық. Кейбір кезде “алмағайып тәжірибе” де ар-ұяттан жүрдай қылмай ма? “Өлімнен ұят күшті” - деген ата-баба накылы осындайда айтылса керек.

-Еліміздегі партиялардың көбіне үлкен күмәнмен қараймын. Осыдан сегіз-он жыл бұрын кейбір партиялардың тууы маған да жаңалықтың нышаны болып көрінген еді. Тіпті сол партиялардың біреуінде (“Единство”) ОК мүшесі де болғанмын. Кейін оның барлығы баланың ойыны екеніне, тойып секірушілердің халықты алдау мақсатындағы сасық қулығы екеніне көзім жетті. Бір партиялар туып, бірі ыдырап, біреулер бірігіп (ойдан қашқандар мен қырдан қашқандар), біреулер қырқысып, бөлініп, қарапайым халықты әбден шатастырып, адастырып болды. Бағдарламаларының көбісі егіздің сыңарындай. “Болды да партия, ел іші жарылды” - деп Абай атамыз дәл айтқан. Сол партиялардың көбісінен қайыр жоқ. Аты бар да, заты жоқ. Кезекті “болыс сайлауының” алдында мүсәпір тобырды алдап түсірудің қарабайыр амалы.

“Қазақстанның демократиялық таңдауы” қозғалысы салған жерден маған қызық болып көрінді. Е-е, қоғамымызда ыбыр-жыбыр бар екен ғой деп елең еттім. Қолынан іс келетін, биліктің дәмін татқан білімді, білікті жігіттердің барды місе тұтпай жаңа бір белеске талпынуы менің пайымдауымда өте орынды және заман ағымына

сай болып елестеді. Өттен дүмпуі тез басылды. Түбі шикі болған ба, қалай... Сөз жоқ, жаңа сілкініс, соны серпіліс керек-ақ. Біздің демократия деп жүргеніміз шынтуайтқа келгенде феодализмнің көлеңкесі ғана. Шынайы демократияның ауылы тым шалғайда. Бізде “демократия” деген қасиетті ұғым жөнді-жөнсіз айтыла береді. Және де оны айтатындар көбінесе демократияға үш қайнатса да сорпасы қосылмайтындар. Әкімдердің аузындағы демократия мазақ, келемеж болып естіледі. Осыдан бес-алты жыл бұрын “Мысль” журналында басылған көлемді бір мақаламда мен демократия деген сөзге сақ болу керек, оны кім көрінген аузына ала бермегені жөн, қадірі кетіп қалады дегенмін. Демократияны тек Елбасының аузынан естігеніміз абзал. Онда да ол сөзді негізгі мақсат-нысанамыз ыңғайында Президент жылына тек екі рет айтуы керек: Конституция мен тәуелсіздік күндерінде айтса, жетіп жатыр. Қалған кездерде демократияның құлағын шулатуымыз күпірлік болады... Қазір де сол көзқарастамын. “Демократиялық тандауды” мен өз басым іштей құптасам да, сол қозғалыстың басы-қасында жүрген жігіттердің “демократшылдығына” халықтың сенімі жоқтығы айдай анық. Ол жігіттердің көбі доллардың буымен көтерілген ғой, олардың “демократтығы” доллармен шектелген. Өз бетінше жол іздеуге шыққан сол қозғалыстың жігіттеріне билік қырғидай тиісті, әңкі-тәңкісін шығарды, шаңын қағып, біраз сілкіледі, тіпті баз біреулерді қамауға алды, тергеуге салды. Апырай, сонда билік сардарлары бұрын қайда болған? Қайда қараған? Ұрлық-қарлығын қасында жүріп неғып байқамаған? Жалпақ жұрттың көргенін биліктің төрінде отырып, қалайша көрмеген?

Түсініксіз...

“Ақ жол” да жанбай жатып, сөнген бе, қалай?.. Әйтеуір ісін өзiр көре алмай жатырмыз. Қоғамдағы орны да беймәлiм. Әлде сол партияның көсемдерi әлiптiң артын бағып отыр ма, әлде бiз түсiнбейтiн қулықтарды ойластырып жатыр ма, не болмаса өздерi көтере алмайтын шоқпарды белiне қыстырып жүр ме? Әлде айдағаны бар болғаны бес ешкi ме? Онда жер жара ысқырғаны не теңi?

“Алмағайып тәжiрибенiң” байыбына бара алмадым. Жалпы өмiрлiк тәжiрибенiң қандайы болса да - ғанибет. Бiрақ сол тәжiрибенiң философиялық нысанасы, адамгершiлiк негiзi болуы шарт. Әйтпесе “күр айғай бақырған” болып шығады... Қайталап айтамын: бiздегi партия деп жүргенiмiздiң көбi жеке адамдардың басыбайлы сойылын соғып жүрген саяси-мафиялық үйiрме ғана. Халыққа олардың еш қажетi жоқ. Олар демократияны желеу етiп, халықты арбаудың бiрден-бiр ар-ұяттан жүрдай құралы.

6. Өзiнiз бiлесiз, белгiлi қайраткер ҚР Парламентi мәжiлiсiнiң депутаты Серiкболсын Әбдiлдин “бiрнеше миллиардтаған доллар бюджеттiк ақша – Швейцар шотында” дегендi айтады. Бұл туралы ол кiсiмен талай жүргiзiлген сұхбаттардан хабардарсыз деп ойлаймын. С.Әбдiлдин тарапынан ақшаның мән-жайын сұраған сауалдар үкiмет басшысына дейiн жолданған, бiрақ қанағаттанарлық жауап жоқ көрiнедi. Соңғы жылдарда саяси оқиғаларға аса сақтықпен қарап жүрген бұ кiсiнiң “Қазақстанның демократиялық таңдауы” қозғалысына мүше болғанын естiген кейбiр басылымдар қарсы сауалдар қоюда, ал оған Серiкболсын Әбдiлдин: – “Менi халықтың жағдайы аландатады. Мемлекеттiң миллиардтаған қаржысы шетел шоттарында сақтаулы. Мақсатымыз жас демократтармен бiрге әдiлдiктi iздеу” дейдi. Сонда С.Әбдiлдин қоғамымыздағы қандай әдiлетсiздiктi көрiп отыр?

Елдегі саяси жүйе мен заңсыздықтарға наразымыз дейді. Бү кісіні осындай сөздер айтуға итермелеп, душар етіп отырған не нәрсе? Кейде мұндай жағдай бас араздықтан да туады. Солай болған күнде де тырнақ астынан кір іздеп, нендешілікке салыну азаматтық дей алар ма едіңіз? Серікболсын Әбділдин сияқты үлкен парасат, үлкен ақыл-ой иесінің дәл осылайша қазбалай беруінің сіздіңше қисыны бар ма?

– Мына сауалыңыздың ҚР Парламенті Мәжілісінің депутаты Серікболсын Әбділдинге тікелей қатысы жоқ. “Швейцарияның шотындағы миллиардтаған доллар бюджеттік ақша жөніндегі” әңгімені шет ел басылымдары көп жылдан бері қазбалап келеді. Оның анық-танығын халықаралық банктердің мықтылары, дүниеге әйгілі финанс алаяқтары мен инвестор қарақшылары болмаса, біз сияқты қарапайым жұрт қайдан білсін. Шет ел деректеріне сүйенсек, ол есеп-шоттардың нөмірі, орналасқан жері, иесі, қаражат мөлшері, қайдан, қалай, қашан түскені – бәрі тайға таңба басқандай. Бұл дүниеде құпия ештеңе жоқ. Ерте ме, кеш пе, құпия атаулының бәрі мәшһүр болады. Алпауыттардың сұрқия істері бұл күнде адамзатқа аян.

Біздің оппозиция сарбаздары негізінен шет елде көптен мәлім деректерді ғана қайталайды. Ал, оның аржағында қандай мақсат жатқанын өздері ғана біледі. Қоғамымыздың осы әділетсіздігін, заңсыздығын, келеңсіздігін ашып, әшкерелеп жүрген Серікболсын Әбділдинді осыған душар етіп отырған нәрсе, Сіз айтқандай, “бас араздық”, я “тырнақ астынан кір іздеу”, “пендешілікке салыну” деп еш ойламаймын. Менің түсінігімде, бұл принципті мәселе болу керек. Серікболсын Әбділдиндей азамат ұсақ-түйекке үйір болмаса керек-ті. Оның үстіне, биліктің басы-қасында көптен жүрген депутат осы мәселе төңірегінде

біздерден әлдеқалай көп біледі емес пе? Сондықтан осы әңгіменің қисыны жоқ дегенге мен келісе алмаймын. Менің білетінім өтіріктің күйрығы бірақ тұтам (дәл осыны орыс та, неміс те айтады), халықтан жасырып келе жатқан шындық түбі бір ашылады. Сол кезде әділетті іздеуші де, даурықпа жарапазаншы да жұртқа әйгілі болады.

7. Жакында республикалық радионың “Түнгі толқын” хабарында Айтмұқанов деген азамат ақша үшін басқа дінге өткенін хабардар етті. Жүргізуші Байғали Есенәлиевтің ол кісіге мұныңыз кешірілмейтін күнә деген сөзіне қатты тарыққаннан осылай істеуге мәжбүр болдым деп жауап берді. О заман да бұ заман тіпті нан мен шайы болмай қалған ашаршылық кезде де ата-бабаларымыз мұндай сорақылыққа барған жоқ еді ғой. Дінін сатқаны ешбір ақылға сыймайды. Бұл не, қазақ атын қорлап, намысын аяққа басқаны. Неде болса сол кісіні дініне кіргізіп, ақшамен “жарылқап” отырған ұлттың да менімше ұстанып отырған бұл жерде “саясаты” бар. Ол кісінің соны неғып ұқпағаны, неғып “бір қарын майды бір құмалақ шірітетінін” білмегені қайран қалдырады. Қазақ елін мекен етіп отырған пиғылы бөтен өзге ұлт үшін керегі сол. Оның жолы әрмен “әлдеқалай” заман бола қалса бұл дегеніңіз ұрып-соқпай жығатын, оқ атпай өлтіретін қарудың бір түрі емес пе?

— Жалпы дін дегеніңіз де шартты дүние ме деп қалдым. Біқылым заманнан бері адам баласы бір діннен екінші дінге пәлендей қиналмастан-ақ өтіп жатыр емес пе? Еуропада, айталық, қаншама католик, лютерандар мұсылман дінін қабылдап жатыр. Тіпті қыза-қыза келгенде біздің “білгіштер” Гете мен Толстойды да мұсылман қылып жіберген жоқ па? Азияда христиан дініне кіргендер қаншама! Енді христиан мен мұсылмандықты қоя тұрып,

Буддаға бет бұрғандар аз ба? Дүниенің әр бұрышында бұрын соңды болмаған секталар қаптады емес пе? Өзіміздің Қазақстанда әр діннің өкілдері шатасып, адасып жүрген жоқ па? Сонда солардың барлығы басқа дінді ақша үшін қабылдап жатыр ма, жоқ, идея үшін бе, әлде, ақиқаттың жаңа түрін іздеп жүр ме, болмаса бұрынғы дініне күмән келтірді ме, немесе басқа бір себеп болды ма?

Әрі-беріден соң, қай дінге өтсе де жұмыр басты пенденің өз хұқығы емес пе? Оған: “Сен неге үйтесің?!” деп сұрау қойып, қырғи қабақ танытуымыз адамшылық па? Егер ол үлкен рухани, адами, дүния қажеттіліктен, талаптан туып жатса, ол сондай-ақ кешірілмейтін күнә ме? Дін деген адамға туа бітетін қасиет пе? Қазақ неге міндетті түрде мұсылман болуы керек? Немене, ол пешенесіне солай жазылып па еді? Неміс неге католик, я лютеран болуы керек? Мүмкін ол баптист болғысы келетін шығар. Шоқынған татар аз ба? Православиені қабылдаған жебірей жоқ па? Керек десеніз, діннің түп қазығы бір емес пе? Құдай да ортақ емес пе? Діннің негізгі қағидалары үндес емес пе? Сіз айтып отырған әпендінің ақша үшін христианға өткені анық болса, я күн көру үшін амалсыздан мәжбүр болса, онда мәселе басқа. Ол бар болғаны сауданың түрі. Бүгінде кім не саудаламай жүр? Біреу азаматтығын саудалайды, біреу ар-ожданын саудалайды, біреу атақ-даңқын, қызметін, елінің кенін, жерін, суын сатады, біреу сақалын, бала-шағасын, әйелін сатады. Көріп, естіп жүрміз ғой. Нарықтың заманы дейміз-тағы. Демек, баз бір қазақтың (қай ұлт болса да) басқа дінге өтуі, менің түсінігімде, үлкен қоғамдық трагедия емес. Ақша үшін сатылар болса, ол, әлбетте, жеке басының ар-ұятына байланысты. Ол этикалық категория, азаматтық, қоғами, саяси емес.

Діннің (қайсысы болса да) маңайында адам жанын аулап, арбап, сауда жасап жүргендер, әрине, өріп жүр. Атам заманнан солай. Олардың мақсаты біреулерді қайтсе де шырмап, өз қақпанына түсіру. Миссионерлердің кәсібі сол. Ал “пиғылы бөтен өзге ұлт” деп Сіз кімді меңзеп отырсыз? Жебірей ме, неміс пе? Орыс па, кәріс пе? Әлде шүршіт пе? Олардың пиғылы бөтен екенін қайдан білдіңіз? Әлде оларды Қазақстанға жат деп ойлайсыз ба? Немесе олардың патриоттығы қазақтың елсүйгіштігінен кем болар? Әлде “ұрып-соқпай жығатын, оқ атпай өлтіретін қару” жалғыз сол болып па? Жо-оқ... Мен білетін қазаққа келер қауіп басқалардан шығып жатыр. Кімдер ме? Ұлттық намысы жоқ дүбәралар, ана тілінен ада бейшаралар, өз күнім көре алмай, көшеде қаңғып жүрген сорлылар, ауылдан қалаға келіп, тентіреп жүрген жұмыссыздар, балалары тастап кеткен кемпір-шалдар, еріккеннен гольф, теннис ойнап жүрген шіріген байлар, халықтың байлығын талан-таражға салып, онды-солды сатып, шашып жүрген пысықайлар “менен кейін дүние құрып кетсе де мейлі” деп шіренген Людовиктің жиендері, қай ел көп төлесе, менің отаным сонда дейтін пері-серілер, түйені түгімен жұтатын обырлар, жұмыртқадан жүн қырыққан ептілер, билікті төңіректеп жүрген ала аяқтар, кімнің тарысы піссе, соның тауығы болатын жандайшап-жарапазаншылар... ой, толып жатыр, толып жатыр, елді тонап жатыр, сорып жатыр. Міне, солардан сақтану керек. Қазақтың ең үлкен жауы солар. Бірде ОБСЕнің Қазақстандағы тұрақты өкілі менен “Қазақстанға қауіп қайдан?” деп сұрап еді, мен жоғарыдай жауап бердім. Ойланып қалды. Сүйтсе ол еуропалық азамат қауіптің зоры ислам фундаментализмі деп есептейді екен. Ол фундаменталистер келгенше Қазақстанның ішкі жаулары бәрін құртып бітіреді.

8. Герольд аға, кейде елжанды азамат, енді біреуді намыссыз деп жатамыз. Осы ретте оқырмандарға тәлімі мол мысалдар келтіре кетсеңіз.

– Мына сауалыңыз өз алдына жеке мәселенің тақырыбы екен. Намыс – тарихи-философиялық ұғым. Оған көзқарас әртүрлі. Кейде жігерсіз, ынжық, босбелбеу адамды намыссыз деп жатады. Ол кең ұғымның бір жағы ғана. Елжанды азамат жайында да түсінік әрқилы. Менің ойымша, ұлттық намыс, елдік намыс, жер намысы, отбасылық намыс, тайпалық намыс, жыныстық намыс т.с.с. қорғаушы, дамушы рухани күш болып көрінеді. Менің Еуропалық таныс әріптестерім басқаша ойлайды. Олардың түсінігінде ұлттық намыс – атавизм, өткен заманның қалдығы, экстремизмге, фашизмге алып келеді дейді. Мен еуропаның үш-төрт елінде болдым, осы мәселе төңірегінде айтысқа да қатыстым. Мен: “Қазіргі Алмания немістерінде ұлттық намыс жоқ” дегенімде, қандастарым мені тіпті “расистке” жақындатып қойды. Ұлттық рух, ұлттық намыс, ұлттық мақсат деген ұғымдар Еуропа елдерінде қолданыстан шыққан. “Ұлттық тар шенберден шығып, космополит болу керек. Адамзаттың келешегі космополитизм” – дейді олар. Мен келіспеймін. “Сен Азияда ұзақ өмір сүріп, ойың уланып қалған” дейді маған. Білмеймін. Әйтеуір космополит сатысына көтеріле қоймағаным хақ. Маған ұлттық намыс әзірге керек болып көрінеді. Ұлттық қасиетінді, ұлттық ерекшеліктерінді жан-жақты дамытпай, ашпай, танытпай космополит болудың жөні жоқ сияқты. Адам намысшыл болу керек деп ойлаймын.

Бүгінгі қазақтар да намысын әлсіретіп алған ба деп қаламын. Көбісі тым еліктегіш. Француз, американдық, жапондық, ағылшын болғысы келіп тыраштанады. Солардың киімін киеді, өнін жырлайды, сөзін сөйлейді, мінезін күйтейді, жүріс-

тұрысына еліктеп бағады. Ай, бекер. Бекер-ак. Өкінішті-ак. Қазақтың қазақ болып қалғаны маған тиімдірек болып көрінеді.

Ал, бас редактор қарындасым, сұрақтарыңыздың бәріне еш бұлтақсыз жауап бергендеймін. Қабыл алсаңыз – мархабат. Газетіңіздің ыңғайына келмесе – оқасы жоқ: өз сөзім өзімдікі, қайтып беріңіз. Ал, жариялар болсаңыз – мұртын қисайтпастан оқырманға жазылған күйінде жеткізіңіз. Көңілімнің адал екеніне күмәндаңбаңыз.

(“Қазақстан мұнайы” июнь-июль 2002. № 6-7).

Содержание

Аул.	3
В темный час перед рассветом.	25
Ашық айтып, адал сөйлеу - азаматтық парыз.	36

Героль Бельгер

В ТЕМНЫЙ ЧАС ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Эссе

Редакторы *Р. Мухтарова, А. Естен*

Тех. редактор *Т. Суранова*

Компьютерная верстка *Г. Сарсенбаева*

Компьютерный набор: *Л. Укенова, А. Кошкарбаева*

Подписано в печать 08.04.2003. Формат 70x100¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Усл.п.л. 2,0. Усл.кр.отт. 2,3. Уч.изд.л. 2,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 522.

Издательство «Білім» Министерства культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан. 480009, г. Алматы, пр. Абая, 143.

Отпечатано с готовых диапозитивов.

ТОО РПИК «Дәуір», 480009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.
Тел.: 42-36-31, 42-07-90, E-mail: rpikdauir@nursat.kz

100 T. 10